
Михаил ПЕРШИН

БАБУШКА

Рассказ

Охрана к ним даже не заглянула.

Обычно они в десять, или, там, без четверти, или в начале одиннадцатого заглядывают. Типа все в порядке? То есть как *обычно*? Это когда Гарик задерживался, он знал, а если все разошлись, может, и не заглядывают, тем более что в коридоре камера стоит. Кто их знает, как они контролируют, если тут никого нет?

В большом бизнес-центре все было по-взрослому: турникеты на входе, пропуска постоянные с фотками, временные — на ресепшене, вошел-ушел.

А не проверяли — потому что на этот раз все было оформлено. Потому что на всю ночь — это другое дело. Гена подписал. Гена — это гендиректор. Ген — ген, каламбурчик. Гарик отнес начальнику охраны, а уж тот своим передал или на словах сказал — это не важно. Мало ли как у них это устроено.

Охранная система Гарика не очень волновала. И вообще, такая служба... Специфическая... То есть как вежливый мальчик он всегда с охранником здоровался, с любезной, даже такой легкой улыбкой. Но все равно. Это ведь ясно. Вот он тебе в ответ улыбается, а скажут — так и... Нет, понятно, сейчас не тридцать седьмой год, как говорит Буль, но суть-то одна.

Буль — это бабушка Гарика. Он маленький не мог выговорить «бабуля», у него получалось вроде как «бульбуля». А потом до просто Буль сократилось. Ну, конечно, Буля, но я никто не произносил. Никто — потому что с легкой руки ребенка и другие ее так стали называть.

Ну вот. А остался Гарик на работе из-за того, что в это самое время на Дальнем Востоке их команда сдавала проект. Конечно, по идее все должно быть дистанционно, даже и лучше, если бы на месте никого не было. Но на всякий случай, мало ли что, Гена его оставил. И чтоб не скучно было — Инну. То есть это так говорится — «чтоб не скучно». Можно ведь и так сказать, что ее оставили, а его — чтоб ее развлекать. Они на равном положении были. Но как-то все воспринимали... Конечно, сексизм чистой воды, но что поделать, так уж этот мир устроен.

Да скорей всего, ни ему, ни ей не придется ничего делать, все отлажено. Но на всякий пожарный, как говорится. И слово *пожарный* — вдвойне уместно, потому что их заказчиком было МЧС. И уж тут не должно быть никаких случайностей. Еще бы! Контракт с такой структурой — это вам не шуточки!

Когда этот проект четыре года назад начался, в «Инфосистемсервисе» было что-то около тридцати сотрудников, да и то со всем вспомогательным персоналом. А теперь только в одном Гарикином департаменте — двадцать три! И всем работа находится, еще и задерживаться приходится. Это даже охранники подтвердить могут: бывает, в десять заглянут, а тут... Не то чтобы что-то праздновали, пьянка-гулянка, ну и заси-

Михаил Першин родился в 1955 году в Баку, там же окончил университет. Прозаик и драматург. Публиковался в журналах «Юность», «Огонек», «Урал», «Нева» и др.

делись — это да, бывает, у них дружный коллектив, ну в смысле — нормальный. Но все равно редко. А обычно — реально работают. Без дураков.

Они такую базу данных забабахали — эмчезовцы сами не ожидали. Ну, кстати, и получать стали. Гена сказал, если все тип-топ пройдет, премия будет о-го-го какая. Так что сто́ит, да, одну ночь посидеть на рабочем месте?

Кстати, если б он один был, так в каком-то смысле и лучше. Лег бы на диванчике в холле, вздремнул: до двух часов точно ничего не будет. Да и после — пока они там, на востоке, начнут, пока что. Вряд ли раньше четырех-пяти что-то понадобится. Но, конечно, все равно в два надо быть на рабочем месте. Так что так на так выходит: до двух лучше было бы одному, зато после — вдвоем веселее. К тому же Инка такая, с ней не соскучишься. Ну, их потому и оставили двоих, что они друг другу подходят.

До девяти сидели на своих местах. Новости, там, фейсбук, вконтакте, пятое-десятое. А в девять Гарик позвонил Буле.

Потом пошли чай пить.

Инна говорит:

— Ты что, каждый вечер к ней заходишь?

(Это она услышала, как он говорил, что сегодня не придет.)

— Да, стараюсь.

Он снимал квартиру недалеко от бабушки, так что все равно от метро мимо идти.

— Иногда, конечно, не получается, — уточнил, — но я стараюсь. Особенно сейчас.

— А что, она болеет?

— Нет, слава богу, все в порядке. Просто по «Культуре» «Коломбо» показывают, она смотрит, а не все разбирает. «Почему, — говорит, — сейчас стали так невнятно говорить?» Сама понимаешь, слух снижается, склеротические явления. Причем с головой у нее все о'кей. Кроссворды решает, в Википедии ответы проверяет. Или если какую-то передачу пропустит, может на сайте посмотреть.

— Молодец какая! — покачала головой Инна. — А сколько ей?

— В этом году будет восемьдесят девять. На будущий — юбилей!

— Дай бог, дай бог!

— Кстати, тебе от нее привет.

— Она что, меня знает?

— А как же! Она всех знает, и по рассказам, и по фоткам. Я ей после корпоративов показываю.

— Счастливый ты, такая бабушка! Надо же, в девяносто лет компьютер освоила!

— Ну как освоила, Википедия, ю-тьюб...

— А ты что, хотел ее к нам разработчиком устроить? — засмеялась Инна.

Они пили чай и обсуждали рабочие дела, как это свойственно всем нам в свободное от службы время. Вдруг Инна сказала:

— Погоди, ты же можешь с ней по телефону смотреть. В смысле не смотреть, а...

— Что? — не понял Гарик.

— Ну, смотреть на компе, в онлайн-ТВ и по телефону объяснять, что она не расслышит.

Идея вдохновила любящего внука. Он даже лучше придумал — просто найти в сети серию «Коломбо» и смотреть параллельно, на «Культуре» ведь рекламы нет, так что все будет синхронно. Даже и лучше: онлайн-ТВ всегда с каким-то запаздыванием идет, а так можно точно подогнать. И не по телефону говорить, а по скайпу. К тому же будет видно, что у нее на экране, хоть и нечетко, и если что-то разладится, подогнать.

Нина Егоровна сперва поупиралась, мол, ничего не надо, я и так в целом понимаю, а если какую-то фразу не разберу — не беда. Но когда Гарик сказал, что и ему хочется скоротать время, согласилась.

Короче, с десяти двадцати до начала одиннадцатого они смотрели американский детектив все втроем, потому что Инна тоже не осталась в стороне от этого семейного просмотра.

В час ночи позвонил Андрей — старший группы, отправившейся в Хабаровск. Убедился в их готовности и сказал, что через полчаса у них *начинается*.

Впрочем, наш рассказ посвящен не трудовым подвигам сотрудников компании «Инфосистемсервис» и уж тем более не тонкостям работы самой инфосистемы, которые к тому же и секретны. Мы ведем речь о делах более частных, об отношениях простых людей. Даже так: о простых отношениях простых людей. Поэтому только отметим, что мероприятие прошло отлично. Система работала без сбоев, хабаровчане остались очень довольны. Правда, раза три Гарику с Инной звонили, но ничего серьезного: так, кое-какие мелочи уточнить. А в детали нам и не следует углубляться. Тем более что они еще и секретные. А главным образом потому, что мы в этих вопросах не шибко компетентны, и если наши комментарии попадут на глаза профессионалу, конфуз может получиться. Да и вообще, разговор тут не о технике, а о жизни, о маленьких радостях и таких же небольших огорчениях нашего доброго знакомого Гарри Кутинкина. Ну и уж раз оно так сложилось по сюжету — его коллеги Инны Филобитовой.

Сидят, значит, Г. Кутинкин и И. Филобитова за своими компами, на расстоянии, чтоб не соврать, метров шесть-семь друг от друга, и мирно беседуют, поскольку больше им в два часа ночи заняться нечем.

Инна:

— Вот ты все — «бабушка, бабушка». А про родителей я от тебя никогда не слышала.

— Так она меня и вырастила. Они, когда институт окончили, где-то в начале восьмидесятых, на Север завербовались. Потом меня родили, ей привезли. Они как раз и подгадали к ее пятидесятипятилетию. Мама, конечно, сколько положено, полтора года, просидела. Но это, как ты понимаешь, я смутно помню. И обратно уехала. А дальше я — с Булей.

— А где они на Севере были?

— В Певеке.

— А-а-а...

Они помолчали.

— А что ты спросила?

— Просто моя мама тоже на Севере родилась. Видишь как, одни сами туда ехали, а другие...

— Ну она-то понятно. Родилась. И я мог там родиться, просто мама в Москву приехала рожать. Но ее родители, в смысле твои дедушка с бабушкой, тоже ведь...

Инна не ответила. Гарик понял, что сморозил какую-то глупость. И тут же сообразил, что речь идет о людях на поколение старше. И раз они оказались *там* где-то в пятидесятых...

— А... Они... — Он с трудом подбирал слова. — Как бы... Не сами туда поехали.

— Нет, — коротко ответила Инна.

— Извини, я сразу не допер. Твоя мама какого года?

— Пятьдесят первого.

— А-а-а! — повторил Гарик.

Его родители были сильно моложе: мама — на восемь, а папа — на шесть. Они вместе учились, но он — после армии.

— И за что их? То есть я понимаю, что тогда не надо было *за что*, но все-таки.

— Их — ты имеешь в виду моих... дедушку с бабушкой?

— Ну да.

— Ладно, знаешь, это неинтересная история.
 — Очень даже интересная. Это же именно *история*.
 — Да нет, ничего «исторического» там не было. Хотя статью ей пришили политическую. В смысле — бабушке.

— А... — начал Гарик, но не договорил слова «дедушке», сообразив, что того могли и расстрелять.

Хотя мало ли от кого могла зэчка родить? Даже и от охранника. Понятно, что Инне неприятно об этом говорить. Но она поняла незаданный вопрос и ответила. Потому что сколько ни держи в себе, раньше или позже все равно надо кому-то открыться. А тут еще и обстановка такая. Ночь, никого кругом. Кроме одного — кажется, понимающего — собеседника. Тем более родом практически из Певека. Правда, ее мама была из Норильска. Но это уже не принципиально: Певек, Норильск...

В общем, *история* там была такая.

Иннина бабушка окончила экономический техникум и получила направление в сберкассах. Год проработала, была на хорошем счету и в отпуск поехала на Кавказ. В смысле — Минводы. Инна точно не помнила, ей казалось, что в Железноводск, ну да это роли не играет.

Через пару месяцев после возвращения она обнаружила, что беременна. А год — пятидесятый, самый разгар борьбы за нравственность. Тогда много за что боролись. В том числе за нее. С одной стороны, аборт запрещен, а с другой — ребенок без отца будет изгоем. А уж мать — своим чередом. Потому что с какой стороны ни посмотри, а безнравственность выходит чистой воды.

Взвесив все за и против, баба Люся (хотя тогда она, конечно, еще никакой *бабой* не была, а просто Люсей) решила от ребенка избавиться. Стóило это дорого, потому что подпольно всегда дорого, денег у нее не было, с родителями она не решилась свою проблему обсудить. И ничего лучше не придумала, как взять деньги из кассы, рассчитывая за два-три месяца взятую сумму вернуть. А дальше события стали разворачиваться с сумасшедшей скоростью.

На следующий день после ее антиобщественного поступка — ревизия! Деньги Люся еще не потратила и могла вернуть. Но когда она пришла на работу, сейф был опечатан.

Что делать? Разумная девушка здраво рассудила, что скрыть хищение не удастся, все равно выплывет, и решилась на единственно правильный в этой ситуации шаг — покаяться ревизорам.

Ревизоров было два: старший и помощник. Точнее, две. Молодая, сверстница преступницы, должна была ее понять. Впрочем, ее мнение вообще не играло никакой роли. Девушка, очевидно, впервые принимала участие в ревизии, гордилась доверенной ей миссией и вообще только поддакивала старшей и выполняла ее указания. Опасения внушала старшая — строгая, немногословная. Но другого выхода не представлялось, и Люся, выбрав удобный момент, во всем призналась. Она предъявила взятые деньги, которые еще не успела потратить, и, как тогда говорили воспитательницы из дошкольных учреждений, с глазами на мокром месте просила разрешения вернуть их в кассу.

— Зачем же ты это сделала? — строго спросила грозная тетенька.

Хлюпая носом, Люся рассказала о Железноводске и его последствиях.

И тут произошла чудесная метаморфоза. Старший ревизор начала на нее кричать и ругать предпоследними словами (последние в те пуританские годы были в ходу лишь у антиобщественных элементов; разве что еще у артистической богемы, но в каком-то фигуральном смысле ее тоже можно отнести к этой категории). Однако как ни строга была эта немолодая, повидавшая жизнь женщина, в ее словах звучали горечь и боль за неразумную девчонку, совершившую одну ошибку, связавшись с курортным прощелыгой, и готовую совершить вторую, еще более страшную.

После этого гневно-прочувствованного монолога старший ревизор достала печать, чтобы заново опечатать сейф после возврата денег. Но тут подала голос ее младшая коллега. Она не могла допустить такого потакания преступнице, посягнувшей на народное имущество. Ведь если за преступлением не последует законное наказание, это послужит только во вред нарушительнице, она укоренится в своем антисоциальном образе мысли. Маловероятно, чтобы истовая комсомолка читала Достоевского (он ведь не входил в те времена в школьную программу): уверенность в том, что кара исправляет, была воспитана в ней другими наставниками, но, так или иначе, бескомпромиссностью она могла бы сравниться с Сонечкой Мармеладовой, да, пожалуй, и превзойти ее.

И пожилая женщина, прекрасно видевшая и глубину раскаяния одной, и идиотскую принципиальность другой, испугалась. Времена-то были какие! Узнай кто-то, что она не то что помогла нарушительнице закона уйти от ответственности, а хотя бы колебалась, ей могло не поздоровиться. И она спрятала печать, да еще и прочла Люсе нотацию в том духе, что с годами она сама поймет, что ей желают только добра.

Результатом этого стало то, что Карусельникова Людмила Петровна получила девять лет лагерей, поскольку опытный следователь сумел придать чисто экономическому преступлению политический характер, квалифицируя его как саботаж (ст. 58-7). Это он еще не узнал о готовности старшего ревизора покрыть преступление, не то ему удалось бы создать антисоветскую организацию и, может быть, даже подвести ее участниц под расстрел. Впрочем, вряд ли беременную Люсю расстреляли бы. Но как бы то ни было, а все вышло к лучшему. Потому что по экономической статье Люся хоть и меньший срок, но отсидела бы полностью, а с политической попала под реабилитацию через три с половиной года. А главное — в результате этих перипетий ее беременность не была прервана, и на свет появились сперва Иннина мама, а затем, в свое время, и сама Инна.

— Так что в каком-то смысле, — закончила она свой рассказ, — я сейчас разговариваю с тобой благодаря этой комсомольской стерве.

И засмеялась.

Однако ответного смеха не услышала. Гарик вовсе не разделял ее легкомысленного отношения к тому, что произошло много лет назад. Как раз за несколько дней до этой ночи они с бабушкой обсуждали некоего Т. — внука одного из советских вождей, на чьей совести (деда, разумеется, а не внука) были многие тысячи жизней и судеб.

Гарик только вошел, сразу заметил, что Буля какая-то раздраженная, взвинченная. Оказалось, по радио этот Т. вещал о грандиозных успехах, которых достиг Советский Союз, как вообще замечательно жилось в нем и с какой болью его дедушка в последние годы своей жизни, уже отставленный от всех постов, переживал из-за того, что страна отходит от принципов, которым он посвятил жизнь.

— Главное, все знают, что за мразь был его дед, и он еще смеет что-то говорить в его защиту!

— Да никто не знает, — пытался урезонить бабушку внук.

— Как никто? Об этом же столько написано!

Она в перестройку читала все тогдашние прогрессивные издания и пребывала в уверенности, что то, что известно ей, знают и все остальные. А когда Гарик в очередной раз объяснил, что это далеко не так, возразила:

— Ну хорошо, другие не читают, не хотят знать. Конечно, ты прав, об этом теперь не пишут. Ладно, пусть так. Но сам-то он уж точно все про деда знает! Как же он может?

— А что ему делать? Ну, был у него дед-кровопийца. Что дальше?

Они целый вечер обсуждали этот вопрос и пришли к тем самым выводам, которые Гарик теперь пересказывал Инне:

— Понимаешь, ведь это же бесконечный процесс. Эти мерзавцы творили черт знает что, а потом им все сошло с рук. И теперь их внуки гордятся ими. А новые мерзавцы

думают: «И с нами так будет». Вот ты даже не интересуешься, кто была эта комсомольская гадина, которая твоей бабушке жизнь разбила. А надо сделать так, чтобы их внуки стыдились их, отрекались от них. Отрекся — никаких претензий. А кто не отречется — считались бы такими же стукачами и палачами, как их предки. Потому что внук за деда, конечно, не отвечает, но за свою-то позицию отвечать должен. Тогда и будущим гадам будет неповадно.

— Что ж мне, выяснять, кто она была? Мстить ей, что ли? Кому? Ее внукам? Они-то чем виноваты?

— Да пойми ты, месть тут ни при чем! Это для будущих доносчиков должно уроком послужить.

— Каким уроком? Что одна история может изменить, если даже о ней рассказать?

— Ты расскажешь, кто-то прочтет — займется такими же поисками, кого-то другого разоблачит. И может, какой-то нынешний гад задумается: «А что мои внуки обо мне будут думать?»

— Я что, по-твоему, должна *всё* рассказать: и про аборт, и про кражу из кассы?

Гарик замолчал. Действительно, история скользкая...

— А где *твоя* бабушка работала? — перевела разговор Инна.

— В мединституте.

Ему расхотелось говорить о представителях старших поколений, как будто то, что им довелось избежать таких трагедий, было чем-то порочащим.

А тут как раз из Хабаровска позвонили.

Попросили проверить, какой флажок стоит на... Ну, в общем, на одном из разделов базы: «Видно всем», «Для авторизованных пользователей» или «Только я» (я — это разработчик).

А потом они к разговору уже не вернулись.

Сдача прошла более чем успешно. Заказчики были полностью удовлетворены, а уж как радовались исполнители, любой себе легко представит. Конечно, и премия была. Тем, кто ездил сдавать, побольше, тем, кто в Москве оставался, поменьше, а больше всех, конечно, тем, кто непосредственно эту часть системы разрабатывал.

Правда, это уже после Нового года произошло. Потому что та ночь, с которой наш рассказ начался, была с пятнадцатого на шестнадцатое декабря: момент сдачи был выбран так, чтобы до Нового года успеть что-то в проекте подладить. Если что, конечно. Но *если чего* не случилось. Зато меньше двух недель оставалось до двадцать седьмого — профессионального праздника эмчезовцев.

Гена купил два ящика «Курвуазье». Правда, один, как говорится, до кучи — уж покупать так покупать — для своих. А бутылки из второго рассовали по пакетам, и двадцать шестого (понятно, что в день праздника в министерстве будет свой гудеж) отправился поздравлять генерала, курировавшего их проект, и его ближайших помощников.

Поехали большой группой, потому что невозможно же одному пить с каждым бойцом, закаленным не только в борьбе со стихийными бедствиями, но и с алкогольной стихией. В число делегированных вошел и Гарик.

С точки зрения познания нравов и, вообще, бытописания, конечно, интересно описать все, что происходило в этот день. Но сейчас перед нами такие грандиозные задачи не стоят. Мы рассказываем об одном человеке и его бабушке, которая воспитала его таким, какой он есть. И о тех, кто с ними как-то связан. А отвлекаться на случайно попавших в поле нашего зрения персонажей не намерены. Невзирая, кстати, на чины и звания. Поэтому мы не будем задерживаться на том, как ген-Гена и генерал... Эх,

для эстетической завершенности, конечно, хорошо бы, чтоб и его звали Геннадием. Но его звали Виктором Андреевичем. С тем бóльшим основанием мы оставляем эту эстетически не совершенную пару с их двумя бутылками «Курвуазье» (одна — чтоб пить вместе, а вторая — Виктору Андреичу, так скажем, на память) и отправимся вслед за нашим героем в кабинет подполковника Александра Лобанчика, с которым Гарик регулярно общался, что называется, в рабочем порядке и давно перешел на «ты» и без отчеств.

Они, как полагается, выпили в честь праздника и приступили к обсуждению обоюдоинтересных тем. Все таковые касались проекта, разработанного «Инфосистемсервисом», благо в нем оставалась еще масса тонких моментов, обсуждение которых в рабочее время представляет из себя рутину и обузу, а вне работы, да еще под легкими винными парами — род интеллектуальной игры.

И вдруг Гарик вспомнил:

— Да, Саш! Скажи, пожалуйста, у тебя нет никого, кто бы такими же базами занимался в...

Он задумался: а по какому ведомству могло идти дело Инниной бабушки?

Подполковник Лобанчик терпеливо ждал продолжения.

— В общем, сам сообрази, где это может быть.

И вкратце все пересказал. Разумеется, не называя имен.

Лобанчик, с четкостью военного человека, не стал отвлекаться на никчемные вопросы вроде «Зачем тебе это надо?». Не было бы надо — не стал бы человек спрашивать, так-нет? Он, не перебивая, дослушал и сказал, что, конечно, во всех ведомствах есть такие информационные базы, одни более автоматизированные, другие — менее, но формально они никак не связаны друг с другом, и никаких контактов между ними нет.

Слово «формально» оставляло надежду на наличие неформальных связей. Так оно и оказалось.

— По правде сказать, есть у меня пара друзей. Мы вместе защиту информации заканчивали.

Гарик понял, что речь идет о названии факультета вполне штатского электронно-информационного вуза, выпускником которого, как он знал, был подполковник.

На следующий день, припомнив этот разговор, Гарик пожалел, что завел его: ну, в самом деле, на кой черт он ввязался? Мало ли было в те времена подобных случаев, да и гораздо более страшных? И вообще, какое ему дело до чужой бабушки? Нужно Инке — пусть сама выясняет. Эти и другие подобные соображения бродили в его голове.

«А все этот чертов „Курвуазье“!» — подытожил он. Правда, оставалась надежда, что и Лобанчик с готовностью откликнулся на его просьбу под расслабляющим влиянием алкоголя, а протрезвев, махнет на нее рукой, а то и вовсе забудет. Гарик даже думал позвонить и попросить не беспокоиться. Но понадеялся на то, что все само собой спустится на тормозах.

Не спустилось. Уже в следующий понедельник Гарик получил по электронной почте письмо с телефоном майора полиции Копылова Ильи Васильевича и припиской, что Лобанчик встречался с ним накануне, вкратце рассказал, в чем дело, и Илья обещал попытаться помочь по мере возможностей.

Гарик понимал, что вряд ли старые друзья встречались исключительно из-за его просьбы, но все равно пренебречь этой помощью было бы неделикатно. Поэтому он реплайнул Лобанчику коротким «Спасибо» и набрал номер Копылова И. В.

Не будем рассусоливать, переполняя повествование деталями, не имеющими художественной ценности. Поэтому дадим лишь краткую сводку последующих событий:

- майор Копылов сказал, что ему нужны подробности: год, фамилия и пр.;
- Гарик спросил у Инны, как девичья фамилия ее бабушки (год он и так знал); Инна спросила, зачем это ему; он ответил, что ему обещали попытаться все узнать; она сказала, что не нужно все это, но фамилию назвала; он записал и добавил, что и сам уже считает, что не нужно, но *перед человеком неудобно*;
- Гарик транслировал майору Копылову полученную информацию;
- через день майор Копылов сообщил Гарику, что материалы 50-х годов не оцифрованы, но он обратится к тем, кто связан с обычным архивом;
- позже майор Копылов сообщил Гарику, что этих материалов в их архиве нет, но что, если нужно, он спросит у своего знакомого из ФСБ; Гарик сказал, что раз это так сложно, то пусть *забьет*; майор Копылов ответил, что спросит, «а там поглядим»;
- еще позже майор Копылов сообщил, что его знакомый из ФСБ обещал выяснить.

Гарик задумался. На чью помощь он не рассчитывал, так это преемников того самого следователя, который примитивное хищение, причем в не особо крупном раз-
мере, превратил в политическую диверсию. С одной стороны, бабушкино воспитание вообще привило ему недоверие (и это еще мягко сказано) к тому, что ее поколение на-
зывало словом *органы*. А с другой — ну действительно, с чего бы эфэсбэшнику брать-
ся ему помогать?

Как ни хотелось автору минимизировать количество персонажей, ему не избежать ввода в действие еще одного — жены Гарика, Любы. Да оно и к лучшему: все же ка-
кое-то представление о личной жизни героя надо дать. В этой личной жизни, помимо
упомянутых ранее родителей, давно вернувшихся с *северов*, но так и оставшихся для
сына родственниками, хотя и любимыми, но более далекими, чем бабушка, были так-
же Люба и их трехлетняя дочь Настя. Кстати, в памятную ночь дежурства Гарик и с же-
ной говорил по телефону, но этот эпизод остался вне нашего рассказа, как совсем уж
не оставивший в нем следа.

— Вот любопытно, — задумчиво произнес Гарик после того, как они с Любой об-
щими усилиями загнали Настю в постель и сели пить чай. — Практически психологи-
ческий парадокс.

И рассказал, как сотрудник органов выразил готовность помочь разобраться в деле,
которое эти органы, пусть и ретроспективно, не красит.

— Ну, там же разные люди есть, — глубокомысленно заметила Люба.

— Это, конечно, объяснение. Но не очень убедительное. Я до него и сам додумался.
Но как-то это... Все равно... Какая-то честь мундира должна же... Уж раз ты пошел туда
работать... Вот, скажем, я узнал что-то нехорошее о своем «Инфосистемсервисе». Я мо-
гу это обсудить с тобой, со своими ребятами, с той же Инной, да и с Геной. Но разве
я буду это сообщать кому-то, кого я даже в глаза не видел?

Люба задумалась и через минуту сказала:

— А кстати! Почему — о *своей* организации? Ты ему сказал, для чего это тебе нужно?

— Ну да.

— Вот видишь, ты же не про них хочешь выяснить, а про ревизоршу. Что ему, жал-
ко, что ли, она не *своя*. И потом, месть — это такое понятное всем чувство.

— При чем тут месть! — взвился Гарик. — Я же...

— Ну согласись, что какая-то капелюшка мести тут все же есть, — охладила его пыл
Люба.

Гарик немного поораторствовал, но в конце концов признал, что *маленькая капелюш-
ка* все же есть.

Через неделю позвонил майор Копылов:

— Привет! Ты куда это пропал? — Он еще при первом разговоре, стал обращаться на «ты». — Ставь бутылку! Все выяснил!

Гарик что-то промямлил в том роде, что не надеялся на такую оперативность и собирался позвонить через пару дней.

— Да, у нас все оперативно, — хохотнул майор. — А ты как думал? Копия акта ревизии тебя устроит?

— То, что нужно!

— Как ее тебе передать?

— Ну... Я могу подъехать... Встретиться где-то.

— А хочешь, я тебе ее сфоткаю и кину на телефон?

— Да, отлично!

— Ну а если тебе бумажка понадобится, можно и через Сашку передать. Хотя это же все равно копия, ты и свою можешь распечатать.

— Отлично! А я через Сашку — бутылку.

— Да ладно, я пошутил.

Они немного поспорили и договорились, что разопьют бутылку в кабинете у Лобанчика.

И через несколько минут на телефон Гарика пришло изображение копии документа. Фамилия младшего ревизора была Малич. А с инициалами — Малич Н. Е.

Девичья фамилия бабушки Гарика была Малич. А звали ее, как мы уже однажды упомянули, Нина Егоровна.

Проницательный читатель, поднаторевший в чтении литературы, построенной на том, что автор ловко, как ему кажется, подводит читателя к неожиданному (опять же, как кажется самому автору) событию, уже давно догадался, что именно этого поворота и следовало ожидать в рассказе, носящем название «Бабушка», тогда как сама бабушка до сих пор (а дело идет к развязке) остается за кадром. Чего стоит хотя бы шитая белыми нитками попытка автора скрыть тот факт, что она — экономист по образованию! Ведь он искренне считает себя таким литературным ловкачом: назвал место ее былой работы — мединститут — и, неуклюже объяснив эту недоговоренность нежеланием Гарика продолжать ночной разговор, ушел от указания должности — а она работала бухгалтером, дошла, между прочим, до замглавбуха и, может быть, даже главным бы стала, если бы не пришлось уйти на пенсию из-за того, что сын с невесткой подкинули ей внука.

Впрочем, оно и к лучшему. Уж раз читатель такой проницательный, ему тем паче не надо разжевывать, какие чувства — можно даже сказать: какая буря чувств — всколыхнулась в душе нашего героя. С одной стороны, ужас от того, что твоя родная бабушка, та, благодаря которой ты стал тем, кто ты есть, а именно ярым противником того, чего... Фу ты, зарапортовался... Но читатель, конечно, и без этих корявых объяснений понимает все эти *того* и *чего* с одной стороны, равно как и аналогичные *тому* и *кому* — с другой. Что позволяет автору, не отвлекаясь на глубокомысленные и психологически достоверные рассуждения, вернуться к своей прямой обязанности — изложению событий, происходивших с Гариком Кутинкиным. Потому что именно так он может выразить свою авторскую и — шире — гражданскую позицию.

До чего же тут огромное количество возможностей! Можно повернуть сюжет так, что бабушка сама окажется жертвой тоталитаризма, которой неизвестные нам доселе обстоятельства помешали поступить по велению совести и сочувствия к заблудшей ду-

ше. Ведь, в конце концов, мы знаем ту старую историю только с точки зрения Люси. Согласитесь, что надо, как минимум, выслушать и позицию другой стороны.

А можно, наоборот, дать возможность внуку реализовать свою принципиальную позицию и обличить Булю — именно *чтобы в будущем другим было неповадно так поступать*.

Можно и заставить Гарика договориться со своей совестью, продемонстрировав лицемерие нашей интеллигенции, имеющей две разные мерки для своих и чужих.

Наконец, автор может пойти по самому простому пути — укокошить кого-то из своих героев. Чего проще?

Звонит Гарик к Буле, а она не отвечает, он волнуется, приходит к ней, открывает своим ключом дверь (а можно еще и усугубить: дверь заперта изнутри, он вызывает команду спасателей и пр., и пр. живописные детали). А она лежит распростертая на полу. Удар! Причем не просто какой-то там медицинский удар, а — судьбы. Хотя последнего нюанса никто, кроме Гарика, автора и читателя, не понимает.

Можно и так повернуть: Гарик идет по улице, весь в раздумьях и переживаниях. И вдруг — шррх! — бам — ах! — ох! Он под колесами, все рыдают, а автор доволен: он таким образом выразил довольно банальную идею о том, что каждый поступок — *про-ступок*! — неизбежно влечет за собой отклик в будущем, пусть даже кара падет не на самого виноватого, а на его близкого.

Хотя это как-то скупо. Пожалуй, стоит развить. Например: автобус не задавил Гарика насмерть, а только покалечил его. И вот лежит он, весь изломанный, в гипсах и трубочках, с маской на лице. И рыдает над ним бабушка, для которой он — единственный свет во мраке существования. Слабым, едва заметным жестом больной показывает медсестре: сними, мол, с меня маску. Та ему: «Что вы! Нельзя! Ни в коем случае!» Но он настаивает. Типа: последнее желание. «Нет! Не может быть! Ты будешь жить!» (Это уже на два голоса — медсестра и бабушка.) Но он твердым, хотя и слабым жестом заставляет их снять с него маску и едва слышным, сбивающимся голосом шепчет:

— Как же... ты... Буля... могла... тогда, в том... далеком... пятидесятом... так поступить?..

С этими словами он испускает дух, а на его труп падает безжизненное тело бабушки. И они остывают вместе, пораженные одним ударом безжалостного рока.

Или так. Все, как выше, бла-бла-бла, сними маску — нельзя — нет, сними. А потом:

— Хотя ты... родная моя... и поступила так... в том далеком... (Бла-бла-бла.) Все равно для меня нет никого ближе тебя... Я тебя прощаю. Ты заслужила прощение, испустила... свою вину. Да, ты загубила жизнь юной девушки, обрекла ее... на годы страданий. Но взамен... ты воспитала истинного гражданина, чье сердце бьется... (Бла-бла-бла.) И кто способен воспринять чужое страдание, как свое собственное... Что и сводит его в могилу... Да, увы... Правда в том, что погубило меня именно это страдание, а не вульгарный удар автобусного бампера...

И со светлой, умиротворенной улыбкой на устах он закрывает глаза и покидает юдоль страстей и горя спокойно, с чувством выполненного земного долга. А бабушка еще годы и годы ходит на его могилку, изнывая от горя и раскаяния.

Вы думаете, это все? Как бы не так! А христианский вариант? Внук обращается за советом к настоятелю ближайшей церкви, и тот ласковым незлобивым словом восстанавливает мир в его душе. Или, наоборот, он гневно отворачивается от бабушки, и от этого потрясения она, истовая атеистка, духовно перерождается, обращается к Богу, ищет поддержки у батюшки, после чего святой отец сам встречается с жестокосердным внуком и открывает ему истину всепрощения. И опять все льют слезы умиления.

А есть ведь и светский вариант обеих этих версий: когда в роли батюшки выступает кто-то из близких: один из родителей, или оба, или любящая жена. И звучат все те же

фразы — по смыслу те же, но только без использования богословских терминов. А вот еще можно — это, конечно, совсем недостоверно, но зато литературно выигрышно — если это же говорит маленькая Настя. Но, разумеется, не в связной, логически выверенной и стилистически отточенной форме, а в виде детского сбивчивого лепета. Что, разумеется, усиливает назидательный смысл рассказа.

Не будем сбрасывать со счетов и такой проверенный трюк, как суицид. Скажем, бабушка, поняв, что ее давнишний поступок разбил сердце любимого внука, которому она посвятила свою жизнь, и поняв вследствие этого, что она (жизнь) потеряла смысл, накладывает на себя руки. И теперь уже внук проводит годы в безысходном раскаянии, что должно по замыслу автора этой версии показать всю бесплодность и пагубность копания в прошлом. Ну или, наоборот, внук впадает в депрессию и чирик себя, а бабушка — годы безысходного раскаяния, пятое-десятое...

Наконец, можно интегрировать все эти версии, к примеру, вот в такой сюжет.

Значит, так.

Гарик обличает бабушку, раскрыв всю глубину ее морального падения, хотя и произошедшего полвека с лишком, но мораль ведь не имеет срока давности. Она рыдает, он смягчается, но... На следующий день бабушка исчезает. Ее ищут, morgi-шморги, объявления в Интернете-шминтернете — все безуспешно. Тут тоже развилка: либо он открывает родителям, что произошло между ним и Булей, его все корят, и он страдает, угрызаем совестью, либо держит это при себе и еще больше угрызается.

Проходит время. Бабушка числится без вести пропавшей. И вот Гарику приходится вести гостя столицы... например, того же хабаровского пожарного начальника, приехавшего в Москву. А можно и без гостей — ведет подростковую Настю знакомиться с шедеврами старомосковской архитектуры и духоподъемным новоделом. И в одной из новых церквушек, выстроенной на фундаменте снесенного при большевиках храма (это все — важные худпсихметафоры, если кто не понял), встречает Булю, живущую при церкви и несущую самую черную работу. Они кидаются друг другу на груди... Нет, лучше так: фишка в том, что он ее не узнает! Вот, значит, какая-то старушка ласково говорит с девочкой, все такое прочее. А когда автомобиль с папой за рулем и девочкой на специальном детском сиденье удаляется — тут важны все детали: фыркание мотора, шорох шин, вонь бензиновых паров, — старушка смотрит им вслед, и по глубоким морщинам ее лица точатся горькие безостановочные потоки...

Не-не-не, все не так! Вот хороший финал: папа с дочкой спрашивают, куда ставить свечку. Старушка показывает: сюда, мол, за здоровье, а сюда — за упокой. Они ставят за здоровье и объясняют, что человек пропал, значит, есть надежда, что он жив. Дальше — шорох шин, бензиновая вонь... И старушка, вернувшись под своды храма, переставляет свечку в заупокойный ящичек. А когда ее напарница, такая же благолепная отшельница, спрашивает, чем вызваны такие странные действия, отвечает, что, мол, той, за которую эта свеча поставлена, давно нет на белом свете. А? Недурно же?

Короче, много есть у автора возможностей завершить этот рассказ...

— Так чего ж тянуть кота за хвост? — спрашивает читатель. — Давай уже не томи, выбери какой-то один вариант и заканчивай эту бодягу.

Да не так все просто. Ведь *вариант*-то не автор выбирает, вот в чем штука. Это Гарик должен выбрать, как ему поступить. А уж от этого автор оттолкнется и либо его самого под автобус толкнет, либо в бабуле сдвинет с места какой-нибудь тромб с соответствующими последствиями, короче, там видно будет, по ситуации.

— Ладно, не надо ля-ля! Как будто мы не знаем, от кого эти самые ситуации зависят, кто и Гарика придумал, и мысли ему в мозги вложил, и — давай уж начистоту — сам решает, что он выберет. Да кто тут автор, в конце-то концов? Короче, нечего тормозить, давай живей, двигай дальше. Чего там Гарик твой надумал?

Вот! Вот этого, читатель, подлец ты этакий, я от тебя и ждал!

Сидишь ты, значит, в кресле, может быть, даже с чашкой чая, а то и с кружечкой пива. А может, трясешься в вагоне метро, одной рукой держась за поручень, а второй — пытаешься перелистывать странички в своем планшете. Или, почему бы нет, валяешься на пляже при какой-нибудь четырехзвездочной гостинице в какой-нибудь Патаяе или на Гоа каком-нибудь. А не исключено, что стоишь у стенки перед кабинетом стоматолога, потому что все сиденья в коридоре заняты, а тебе уже заморозку вкололи и надо ждать десять минут, и ты впялился глазами в эти строчки, чтобы как-то эти проклятые десять минут скоротать, а главное — отвлечься от мыслей о том, что тебя ждет через... вот уже восемь минут.

Но как бы ни было тебе удобно (кресло, пиво, пляжный топчан, четыре звезды и прочее всякое) или неудобно (все остальное), это все — снаружи, а внутри у тебя в любом из этих состояний — полный комфорт и благодать. Потому что к тебе эта история отношения не имеет. Какой-то там Гарик что-то там узнал о своей бабушке, какой-то там автор сейчас за него решение примет и тем самым тебе все объяснит... Ну не вообще все, а про этот сюжет свою позицию обозначит. А уж там ты вынесешь свой трехпудовый вердикт. Либо: ну да, так ему и надо (Гарику, в смысле). Или ей (бабушке). Или: ну и мудака этот автор, за уши притянул свои личные взгляды, а на самом деле все так не могло быть.

Вот и очень хорошо! Ты знаешь, как оно могло быть (читатель, в смысле). Вот и заверши рассказ, как считаешь нужным.

— Вот еще! Я писатель, что ли? Сам придумал своего Гарика, сам и завершай. А я его и не знаю, Гарика, в смысле. Вот если бы это было про моего знакомого, я бы точно знал, как он поступил бы.

Ага, про знакомого — понятно. А если не про знакомого? А если про тебя? Тогда как?

— Про меня?! Да ты совсем ох... Ну то есть обалдел, автор! Ты чего несешь вообще? У меня и нет такой бабушки, и не работала она ревизором. Какое это имеет ко мне отношение?

Но дедушка-то у тебя был? Или папа с мамой? Или дядя с тетей? Или двоюродные, к примеру сказать? Кто-то же у тебя есть? Был? И вот ты узнаешь о нем... Или о ней...

— А что? И узнаю, — говорит, к примеру сказать, некая читательница. — Вот, к примеру сказать, дядя Юра. Я про него...

Э-э-э, погоди, дорогая! Это не тот ли дядя Юра, который тебя в детстве каждый раз при встрече спрашивал: «Как тебя зовут?» А когда ты, еще не научившись выговаривать «Р», отвечала: «Малина», — он гоготал и говорил, что раз ты малина, он тебя съест, и жутко разевал свою воняющую табаком пасть с желтыми клыками. Не тот ли?

— Ну тот, а что?

А то, что про такого дядю Юру ты, конечно, с удовольствием узнаешь и всем расскажешь любую гадость. Еще, может, и приукрасишь, а? Или тот читатель, которого тетя Анжела всегда спрашивала про успехи и тут же, отмахнувшись от его пятерок в полугодии, потому что это ерунда и никому не интересно, начинала рассказывать, что ее дебильный сынок на районном конкурсе чтецов занял второе место, и то — потому что первое дали дочке местного воротилы (тогда слово «олигарх» еще не было в ходу), а ей один член жюри лично сказал, что все рыдали, слушая Володю, но на них *надавили*. Ясно же: дай ему только узнать что-то нехорошее про эту Анжелу или, того лучше, про ее недоделанного Вовку, уж за ним не заржавеет все, как есть, обнародовать, пусть даже не от своего имени.

Но ведь не только #дядюры и #тетянжелы в твоей жизни были! Кого-то же ты любишь, кто-то тебе примером в жизни служит? Да хоть бы и не родственник, а ка-

кой-нибудь друг и учитель, фигурально говоря, алкаш в бакалее? Ну хоть какие-то принципы, хоть самый крохотный принципчик у тебя есть, а? И ведь от кого-то ты его перенял, кто-то тебя на этот путь наставил. И пусть тебе этот Гарик просто смешным кажется со своими переживаниями. Может, ты считаешь, что все это глупости и так ему и надо. И вообще, молодец бабка... Ну, в смысле, не бабка, а когда она девчонкой была. Может, ты вообще принципиальный противник (-ца) абортот и только радуешься, что так оно все вышло. Да мало ли что может быть.

Но ведь не в этом дело! Ну его, этого Гарика. Ты про *свои* принципы и *своего* дорогого человека подумай. Вот ты узнал о нем...

— Что?! Что я мог о нем узнать? Ты, автор, говори, да не заговаривайся! Мой (-я) #дед(баб)ушка, #дяд(тет)я, #пап(мам)а, #алкашвбакал(наставницавлиц)ее чисты, никогда не оступались и не отступались и ничем не замараны!

Ну-ну! Вот и Гарик тоже так думал до поры до времени.

— Ты на что это намекаешь?!

Да, читатель, вижу: с тобой каши не сваришь. Ты — это ты. А Гарик — Гарик. И давай, мол, автор, занимайся своим авторским делом. Не отвлекайся. Нечего тут! Ладно, проехали...

Короче.

Дело так было. На самом деле.

Ничего никому Гарик, понятно, не сказал, ни в каком фейсбуке или вконтакте ничего не опубликовал.

Во-первых, потому что никто его на это не уполномочивал, вот и Инка сама сказала: «Не надо, не надо». Ну нет так нет, ему, что ли, больше всех нужно?

Во-вторых, если в корень посмотреть, то что? Ну сделала бы эта Люся аборт — и не было бы никакой Инны. Лучше было бы, что ли? Ведь, в самом деле, все нормально обернулось, так-нет? Еще если бы ее расстреляли или она в лагере сгинула — ну тогда другое дело. А то — подумаешь: посидела пару-тройку лет, но ведь вышла же! От сумы да от тюрьмы, сами знаете...

А в-третьих, самое-то главное: его идея в чем заключалась? Чтобы правда выплыла и внуки своих преступных предков устыдились. Вот в чем истинная кара, а не в какой-то примитивной мести. Ну так оно так и вышло: внук узнал и устыдился. Значит, кара что? — правильно, свершилась. То есть цель достигнута. А всякая там шумиха, покаяние на площади — хоть бы даже этой площадью была социальная сеть — это, знаете ли, дурной мелодрамой пахнет.

Правда, к Буле Гарик стал чуточку реже заглядывать. И что-то вообще в их отношениях... развинулось как бы. Ну, конечно, не так, чтоб она попросила с верхней полки достать кастрюльку, а он кастрюльку снял, шварк на стол перед ней и — «Ну все, что ли? Тогда пока!» — и пошел. Нет, внешне все по-прежнему осталось. Но что-то все ж таки было, потому что она спросила:

— Гаричка, что ты какой-то... уставший, что ли?

А он:

— Да, Буль, на работе дел много.

— Какие-то неприятности?

— Нет, все нормально.

Раз спросила, другой. И перестала. Может, привыкла, что он такой... уставший. А может, со старческой интуицией поняла, что если не хочешь неприятный ответ услышать, то лучше не настаивать.

А Гарик всегда, когда проводил у бабушки десять минут вместо полчаса или в ответ на просьбу что-то купить, отвечал: «Ну, послезавтра ведь к тебе соцработник при-

дет — попроси ее. Тебе ведь не срочно?», а она соглашалась: «Да, конечно, никакой срочности нет», — вот каждый раз мелькала мыслишка: «Это и есть высшая справедливость, то самое наказание, что раньше или позже неотвратимо наступает, а я его как бы просто орудие». Правда, будучи честным перед самим собой, он задавал себе вопрос: «А не прикрываю ли я этим *орудием* то, что мне просто леньшний раз зайти на рынок?» И в конце концов покупал, что Буля просила. Но ведь первоначально он ответил отказом, и ей неприятно было. Значит, все же какая-никакая кара осуществилась, да?

И, кстати, в-четвертых. Если на дело внимательно посмотреть и логически разобраться, то все это — две стороны одной медали. Бабушка — она всегда такая принципиальная, твердая в своих убеждениях. Так ведь и тот случай, на ревизии — про это же самое: она тогда эти же качества проявила. Именно что — эти самые! Просто была еще глупая, молодая, неопытная, да еще комсомольскими всякими лозунгами замороченная. Зато потом набралась жизненного опыта и стала такой, как есть — и твердо-принципиальной, и мудро-доброй. И, кстати, его таким воспитала. Тоже, знаете, чего-то это стоит.

И если уж на то пошло, не случайно же автор своего героя назвал именем героя прошедшего десятилетия — непреклонного мальчишки-волшебника, ни разу ни в чем своим принципам не изменившего. Вот и наш Гарик — такой же. По сути дела.

И, между прочим, сам факт, что он спустя какое-то время до вышеуказанного *четвертого* додумался, говорит о том, что вся эта история в его непреклонно-совестливом мозгу продолжает крутиться и покоя не дает.

А с другой стороны, он как-то реже стал с Инной Филобитовой общаться. Не то чтобы он ее избегал — с какой стати, спрашивается? Просто как-то каждый раз так получалось, что то он куда-то спешит, то чем-то занят. «Привет... Да-да...» — и дальше побежали.

Но месяца через полтора... Да, точно, где-то перед Восьмым марта. Ну не прямо, но в начале марта. В общем, это не важно. Подходит она и говорит:

— Гарик!

Он, конечно, сразу:

— Да? Привет! Тыры-пыры...

А она:

— Знаешь, я все думала о том нашем разговоре. И поняла, что ты прав. Только мне самой публиковать как-то неудобно. Ну сам понимаешь, аборт, кража, пятое-десятое... И не в бабушкиной ведь фамилии дело. Ты правильно сказал, что можно ее не называть. Но все равно лучше, если кто-то другой это сделает. Тебе это ведь не сложно, да? Выложишь в сеть? Короче, я обратилась в «Мемориал», и они вчера мне ответ прислали. Фамилия той ревизорши...

Дальше, читатель, сам. А автор пойдет... коньячку, что ли, хлебнуть? Там, кажется, еще бутылочка «Курвуазье» початая осталась. Которая так и не дошла до майора Копылова.

Да, кстати! Можешь придумать, что Инна назвала другую фамилию. Так оно будет спокойней. Всем.